

141–155). Vedle vztahů mezi jazyky Balkánského poloostrova se Mladenov zabýval také kontakty bulharštiny s ostatními slovanskými jazyky (články „Nabljudenija vărchu bălgaro-slovaški ezikovi usporedici“, str. 313–335, „Leksikalni belorusko-bălgarski paraleli“, str. 336–340) a nemalou část svého vědeckého úsilí zasvětil otázce poměru mezi spisovným jazykem a dialektu (články „Za otnošenijata meždu knižovnata i dialektnata leksika na bălgarskija ezik“, str. 359–369, „Dialektnijat proizchod na njakoj knižovni normi“, str. 370–375). Se stejným odhodláním a pečlivostí, s jakými se Mladenov věnoval dialektologii a balkanistice, se dokázal později zabrat také do studií z oboru etnolingvistiky, která mu byla blízká svým interdisciplinárním zaměřením. V souboru jsou Mladenovy etnolingvistické práce zastoupeny mj. článkem „Iz bălgarskata etnografonimika“ (str. 453–465), zabývající se motivací bulharských etnografonim, tj. názvů etnografických skupin, či stati „Săvremennata lično-imenna sistema v s. Spasovo, Čirpansko“ (str. 466–483), přinářející popis bulharských osobních jmen na vybraných územích Bulharska.

Druhá část souboru obsahuje konkrétně zaměřené příspěvky ze synchronní i diachronní jazykovědy, v nichž řeší Mladenov dílčí problémy bulharského jazyka ve všech jeho rovinách. Uvádět na tomto místě tematické zaměření všech článků by vzhledem k jejich rozsahu bylo prostorově náročné. Lze však uvést, že jsou zde téměř rovnoměrně zastoupeny příspěvky obsahující analýzu bulharského spisovného a nářečního lexika na rovině foneticko-fonologické („Dălgi glasni v bălgarskija ezik“, str. 484–490, „Iz dialektnija konsonantizăm v bălgarskija ezik“, str. 491–499), morfosyntaktické („Prilagatelni ot tipa *kamenen* – *kamen* v bălgarskija ezik“, str. 551–556, „Infinitivni formi v govora na selo Cerovo, Blagoevgradsko“, str. 541–543), lexikální („Istoriko-etimologičeski aspekti na bălgarskata tăkačeska terminologija“, str. 607–618, „Edinstvo i različija v bălgarskata agrarna terminologija“, str. 619–638, „Iz bălgarskata mlekarska terminologija“, str. 649–655), sémantické („Za edno novo značenie na dumata *gora*, *pole*“, str. 758–759, „Edna leksiko-semantična izoglosa v bălgarskija ezik: *čuvam* ‚slušam‘/ *čuvam* ‚pazja, otleždam‘“, str. 719–723) a frazeologické („Ima li v bălgarskija ezik frazeologizăm *para pit(a)*?“, str. 770–773). Nechybí ani popis areálové distribuce některých konkrétních jazykových jevů v bulharštině v člancích „Razprostranenie i značeniya na predloga *niz* v bălgarskite govori“ (str. 568–574) a „Iz bălgarskata lingvistična geografija 1–5“ (str. 730–757).

Na závěr lze dodat, že oba dva soubory jsou opatřeny kompletní bibliografií Stojko Stojkova a Maksima Mladenova a druhý z nich také jazykovým a věcným rejstříkem.

Příspěvek vznikl za podpory projektu výzkumu a vývoje MŠMT LC546.

Jana Villnow Komárková

Бурмистрович, Ю. Я.: Важнейшие концепции современной русистики. Учебное пособие для филологов высших учебных заведений. Абакан, Изд-во Хакаского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 2008. – 216 с. ISBN 978-5-7810-0510-9

Nastojšee učebnoe posobie, prednaznačennoe filologam vysših učebnih zavedenij, predstavljajet soboj opyt obščego obzora rusistskih koncepcij. V nem izlagajutsja važnejšie koncepcii sovremennoj rusистики, kasajušiesja osnovnyh ee razdelov, a imenno: fonematičeskogo, morfematičeskogo, grammatičeskogo, sintaksematičeskogo, leksematičeskogo, frazematičeskogo, stilističeskogo, leksemoobrazovatel'nogo i frazemoobrazovatel'nogo. Pri etom každyj iz nih rassmotren i s sinchroničeskoi, i s diachroničeskoi toček zrenija. Vse eti koncepcii kasajuťsja ne prosto bolšinstva razdelov rusистики, no naibolee složnyh momentov v nih.

Рецензируемая работа делится на две части – теоретическую и практическую. В начале **теоретической** части (с. 5–187) читатель знакомится с тезисами напечатанных лекций („Программа курса”, с. 5–11). Кроме содержания проходимого материала можно познакомиться с учебной литературой, которая рекомендуется для изучения отдельных разрядов учебника.

Общее представление о русистике как учебной дисциплине дается в „Введении” (с. 12–16). Современную русистику составляет состав наук, которые исследуют русский язык. Их делят на две группы: 1) науки о нынешнем состоянии русского языка (науки синхронические), 2) науки о предьстории и истории русского языка (науки диахронические). Так как в данном курсе будут проходить лишь основные науки, автор знакомит читателя с подходом к их изучению и с общей целью данного курса – раскрыть наиболее сложные вопросы синхронических и диахронических наук русистики.

Основная часть предлагаемого пособия распадается на восемь разделов. Первый („Фонематический раздел русистики”, с. 17–73) – самый содержательный – посвящен **фонемологии**. С синхронической точки зрения в нем рассматриваются такие вопросы, как определение основной фонематической единицы – фонемы, ее языковое и речевое проявление, различные объединения фонематических единиц, их парадигматические и синтагматические взаимоотношения, анализируются основные современные фонематические концепции. В настоящее время в России существует несколько фонематических школ. В рецензируемой работе рассматриваются те три из них, которые являются наиболее известными (Ленинградская, Московская, т. наз. фонематическая школа позднего Р. И. Аванесова). Каждая из них развивает свою концепцию, и эти концепции весьма отличаются друг от друга.

В рамках фонематического раздела русистики с диахронной точки зрения разбираются концепции Е. Д. Поливанова и В. К. Журавлёва, далее развитие концепции В. К. Журавлёва в работах Ю. Я. Бурмистровича. В данном разделе речь идет о предьстории фонематической системы русского языка, а именно о двух этапах – праиндоевропейском (в лице его протославянского диалекта) и о праславянском. Именно в этих двух этапах подготавливается и живет открытая В. К. Журавлёвым фонематическая единица – группофонема; в них как раз толкуется теория группофонем. Для того, чтобы заниматься этой предьсторией нужно предварительно иметь хорошее представление об основных понятиях диахронической фонемологии. Эти понятия здесь выделяются и более подробно разбираются (это причины и механизм изменений фонематических единиц, фонетические и фонематические законы как ускорители изменений фонематических единиц).

Сначала описываются сдвиги в фонематической системе протославянского диалекта праиндоевропейского языка (40 в. до н. э. – 25 в. до н. э.).

В истории фонематической системы праславянского языка (25 в. до н. э. – 7 в. н. э.) выделяются три периода: ранний, средний поздний. Все фонетико-фонематические процессы толкуются с помощью теории группофонем, созданной московским лингвистом В. К. Журавлёвым. Формирование группофонем стало причиной возникновения фонетического закона внутригруппофонемного сингармонизма.

В рамках *раннего* периода названный закон закрепил сочетаемость одинаковых по тональности согласных и гласных звуков и вызвал два фонетических процесса: появление нового согласного звука [j] и первую переходную палатацию заднеязычных согласных (традиционно называемой палатализацией).

В ходе *среднего* периода родились три разных фонетических закона. В соответствии с этими тремя законами внутри этого периода можно выделить три этапа. Первый характеризуется действием уже упомянутого закона внутригруппофонемной восходящей звучности. Его результатом был процесс изменения согласных перед йотацией. Второй этап отличается действием фонетического закона открытыгх слогов, который вызвал процесс монофтонгизации дифтонгов и устранение шумных согласных в абсолютном конце словоформы. В рамках третьего этапа

распространился на все звуки слога закон внутрислогового сингармонизма, который вызвал такие процессы, как образование конечных результатов на месте бывших дифтонгических сочетаний, оканчивающихся на неслоговой сонорный плавный, далее появление результатов воздействия звука [j] на стоявшие перед ним в словах смычные переднеязычные шумные согласные [d], [t], далее палатализация заднеязычных согласных, которая проходила перед гласными переднего ряда дифтонгического происхождения и дала свистящие результаты.

В ходе *позднего* периода фонематическая система праславянского языка, состоявшаяся из группофонем, распалась на фонемы. Одним из свидетельств совершившегося этого разрушения явилась вторая переходная палатализация заднеязычных согласных, которая традиционно называется третьей. Возник фонетический закон парадигматической передвижки гласных фонем в своей подсистеме. Этот закон способствовал слиянию фонем [e] и [ǣ] и исчезновению признака долготы-краткости. Результатом всех этих процессов явился распад праславянского языка на диалекты, которые впоследствии развились в самостоятельные языки.

Второй раздел („*Морфематический раздел русистики*”, с. 73–88) описывает область *морфемологии*. В части, в которой изучается данная область с синхронической точки зрения, анализируется теория московской русистики Е. А. Земской. Автор настоящего пособия с ней отчасти полемизирует и некоторые морфематические термины уточняет.

Когда морфематический раздел русистики исследуется с диахронической точки зрения, то говорится о различных изменениях в морфемном строении слов, которые произошли со словами в ходе их исторической жизни. Первыми, кто этими вопросами заинтересовался, были ученые Казанской лингвистической школы – И. А. Бодуэн де Куртенэ и его ученики Н. В. Крушевский, В. А. Богородицкий и др. Это было в 70-х-80-х годах XIX в. Наибольших успехов в этой области науки добился в XX в. московский ученый Н. М. Шанский. Его концепция была позднее развита в трудах О. Е. Ольшанского. По его учению, многие слова претерпели в период от протославянского до русского состояния различные перемены своего морфемного состава. Эти изменения можно свести к восьми типам: опрощение, усложнение, переразложение, декорреляция, диффузия, замещение, агглютинация, редеривация.

Главной единицей грамматического раздела русистики является граммема. Отсюда название третьего раздела („*Граммематический раздел русистики*”, с. 88–104) и название науки *граммемология*. Определенные концепции появляются тогда, когда ученые начинают изучать и классифицировать граммематические классы (т. е. части речи). С синхронической точки зрения наиболее интересными концепциями частей речи являются концепции В. В. Виноградова, Б. П. Ардентова, М. В. Фёдоровой, М. В. Панова, В. Г. Руделёва, которые в настоящей работе разбираются.

В истории граммематических систем обнаруживаются самые разнообразные изменения граммематических единиц, но механизм всех этих изменений может быть сведен к двум типовым механизмам: или к дивергенции (т. е. к расщеплению одной единицы на две), или к конвергенции (т. е. к слиянию двух единиц в одну). В работе описываются результаты указанных граммематических изменений и определяются законы, по которым они управляются и направляются. Чтобы иметь полное представление рассматриваются в диахронической части настоящего раздела концепции четырех лингвистов: И. А. Бодуэна де Куртенэ, В. К. Журавлёва, В. В. Колесова и болгарского ученого В. И. Георгиева, причем основное внимание обращено лишь на некоторые моменты их концепций. Обращается внимание на то, что в диахронической граммематической концепции В. В. Колесова интерес вызывают его рассуждения о становлении граммематических парадигм, между тем как в концепциях И. А. Бодуэна де Куртенэ, В. К. Журавлёва и В. И. Георгиева особый интерес представляют открытые этими учеными граммематические законы.

Синтаксемологии посвящен четвертый раздел („*Синтаксематический раздел русистики*”, с. 105–122). В нем можно выделить и определить несколько единиц, как синтаксема,

словосочетание, предложение, речение. Хотя существует много синхронических концепций, автор останавливается лишь на некоторых из них, а именно на тех, которые еще недостаточно освоены, поскольку они возникли не в столичных городах. Из структурных концепций здесь разбираются концепции Б. П. Ардентова (Кишинев), А. М. Ломова (Воронеж) и Л. К. Фёдорова (Курск), из функциональных концепций – первая цельная концепция в России актуального членения предложения И. П. Распопова (Воронеж), которая легла в основу им защищенной докторской диссертации (1961).

С диахронической точки зрения описываются причины синтаксематических изменений. Автор настоящего пособия полагает, что работ по историческому синтаксису русского языка имеется немало, но в большинстве случаев они не освещают причины исторического развития в данной области. Наиболее интересной концепцией последнего времени он считает концепцию З. К. Тарланова, отражающуюся в его книге *„Становление типологии русского предложения в ее отношениях к этнофилософии“* (Петрозаводск, Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 1999). В ней, между прочим, отражаются взгляды крупного ученого XIX в. А. А. Потебни, которые З. К. Тарлановым развиваются.

Пятый раздел отдается **лексемологии** (*„Лексематический раздел русистики“*, с. 122–145). Вначале внимание обращено на то, как основная единица – лексема – проявляется в языке и речи. В речи она воплощается в речевых единицах и говорится о аллолексемограммах (у изменяемых лексемных классов) и аллолексемах (у неизменяемых лексемных классов). В настоящем разделе объясняется, что такое лексематическое значение и его структура, с синхронической точки зрения приводятся типы лексематических значений в соответствии с концепциями В. В. Виноградова, М. М. Копыленко и З. Д. Поповой.

Лексематический раздел русистики с диахронической точки зрения стал разрабатываться значительно позднее, чем с этой точки зрения предшествующие разделы. Первая большая историко-лексематическая работа появилась в середине XX в., это была работа Ф. П. Филина (1949), следовали работы П. Я. Черных (1956), А. С. Львова (1975). Одной из особенно интересных историко-лексематических концепций считается автором концепция болгарского языковеда Й. Еленского, изложенная в книге *„Историческая лексикология русского языка“* (Велико Търново, Изд-во Великотърновского университета им. Кирилла и Мефодия, 1980). По словам автора, в книге вырисовывается широкая панорама развития словарного состава целой цепи языков, приведшей в конечном итоге к русскому языку.

Область **фразеомологии** разбирается в шестом разделе (*„Фразематический раздел русистики“*, с. 145–157). Сначала дается определение фраземы как основной единицы. Внимание обращено на то, как она проявляется в языке и речи. В синхронической фразеомологии известно множество концепций. Здесь затронуто лишь несколько из них (А. И. Молоткова, В. П. Жукова, М. Т. Тагиева). Далее рассматривается лексематическое значение фраземы, излагается, что такое лексема-грамматические классы фразем, и показывается, как происходит объединение фразем на уровне их аллофразеограммов.

Научных работ, в которых излагается фразематический уровень русского языка, имеется много, но подавляющее большинство из них изучает этот уровень с синхронической точки зрения. Очень мало имеется работ, изучающих этот уровень с диахронической точки зрения. Среди этих последних наминается книга А. И. Фёдорова *„Развитие русской фразеологии в конце XVIII – начале XIX в.“* (Новосибирск, Наука, 1973). Автор настоящего пособия знакомит читателя с основными моментами историко-фразеоматической концепции этого ученого.

Седьмой раздел (*„Стилистический раздел русистики“*, с. 158–170) посвящен **стилистике**. В нем, в отличие от всех предшествующих разделов, рассматривается не один какой-то уровень языка, а все уровни, потому что стилистические явления имеются на всех уровнях и, следовательно, стилистическое пересекает все уровни. На вопрос, что представляет собой

с синхронической точки зрения термин „стилистическая окраска“, приводятся ответы из концепций Н. М. Кожиной, Ю. Я. Бурмистровица, Х. Х. Махмудова.

Диахроническая стилистика русского языка занимается анализом того, как в истории русского языка взаимодействовали древнерусские, а позже и русские формы с формами церковнославянскими, какие стили и как порождались этими взаимодействиями. Эта проблема находится в тесной связи с постановкой периодизации истории русского языка. Разные ученые исходят из разных точек зрения и создают разные периодизации. Приводятся здесь концепции Г. О. Винокура и А. М. Камчатнова; оба понимают историю русского литературного языка как историческую стилистику, но оба наметили разные периоды и разные стили.

В заключении настоящего раздела автор настоящего пособия выделяет следующие стили: информативный, канцелярский, научный, производственный, обиходный, законодательный, публицистический, художественный.

Лексеобразование и фразеобразование, науки о процессе образования лексем и фразем, являются предметом изучения восьмого раздела („Лексеообразовательный и фразеообразовательный раздел русистики“, с. 171–192). Как происходит в русском языке на синхроническом срезе ономаσιологический процесс образования новых слов и фразеологизмов объясняется на основании теории, выдвинутой И. С. Торопцевым и позднее разработанной его учеником Ю. Я. Бурмистровицем, который существенно уточнил именно способы образования фразеологизмов (И. С. Торопцев рассмотрел данную проблематику лишь в самом общем виде).

С диахронической точки зрения лексеообразованием и фразеообразованием занимался московский русист И. С. Улуханов в своей статье „Основы построения исторического словообразования русского языка“ (Русистика сегодня 1994, № 1, 9–22). В статье говорится не об истории словообразовательной модели и ее разновидностях, а об истории словообразовательных типов. Однако автор настоящего пособия обращает внимание на то, что И. С. Улуханов называет словообразовательным типом то, что на самом деле представляется с ономаσιологической точки зрения как часть одной из разновидностей словообразовательной модели. Одновременно он отмечает, что полного диахронического описания лексеообразования (словообразования) и тем более фразеообразования русского языка пока нет.

Вторая часть – **практическая** – настоящего учебного пособия („Часть II – Практическая“, с. 188–210) содержит вопросы по отдельным темам, проходимым в теоретической части; они служат для повторения пройденного материала. Для его практического закрепления служат упражнения, которые следуют за вопросами.

В конце книги помещено содержание („Оглавление“, с. 211)

Алеш Бранднер

Jan Gregor: Verbonominální spojení v ruštině (v částečné konfrontaci s češtinou). České Budějovice, Vysoká škola evropských a regionálních studií, 2008. 304 s. ISBN 978-80-805708-56-0.

Pozoruhodná monografie rusisty a germanisty PhDr. Jana Gregora, Ph.D., pracovníka Vysoké školy evropských a regionálních studií v Českých Budějovicích, poskytuje čtenáři podrobné poučení o jednom z ústředních jazykových prostředků ruského odborného, publicistického a administrativního stylu; poučení, jehož aktuálnost je nasnadě v současné době intenzivního rozvoje vědeckých i technických disciplín.

Autor je pro tuto analýzu této problematiky náležitě kvalifikován, neboť jí v letech 2004–2007 věnoval už kolem dvaceti dílčích českých i ruských statí, které jsou uveřejněny v našich i zahraničních časopisech nebo sbornících (např. Slavia 76/2007, Przegląd rusycystyczny 28/2006) a opírají se o výsledky Gregorova olomouckého univerzitního studia. Tyto statí jsou vesměs charakteristické